

СТАТЬИ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: УРОКИ ИСТОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080019661-4

«ОСОБЫЙ СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ПУТЕМ УГРОЗЫ ВОЙНОЙ ИМПЕРИАЛИСТАМ».
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДИУМА ЦК
ПРИ Н.С. ХРУЩЁВЕ (1953–1964).

Часть 1

© 2022

П.П. СКОРОСПЕЛОВ ^а^а – РГАСПИ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2921-7516; Pps67@rambler.ru

Резюме: Для внешней политики СССР при Н.С. Хрущёве (1953–1964) характерна достаточно рискованная стратегия «балансирования на острие». Истоки такой линии поведения СССР сложились в последние годы жизни И.В. Сталина. Сразу после его смерти советские руководители боялись атомного нападения со стороны США, поскольку отечественные ВВС и ПВО не были готовы ни к его отражению, ни к ответному удару. Первоначально в 1954–1955 гг. советским руководством был взят курс на поддержание *status quo*: были предприняты попытки создать буферную зону из нейтральных государств по периметру границ социалистического лагеря: прекращена война в Корее, выдвинуты предложения о взаимном выводе войск из Европы и т.п. После Женевской конференции (1955) советское руководство начало действовать смелее, т.к. увидело, что США и сами их бояться и нападать не собираются. Для укрепления геополитических позиций СССР использовались возможности, открывавшиеся в связи с распадом колониальных империй европейских держав: странам «третьего мира» – новым независимым государствам Азии и Африки оказывалась масштабная экономическая и военно-техническая помощь, а также политическая поддержка. В первую очередь Египту и Индонезии, контролировавшим Суэцкий канал и Малаккский пролив – ключевые районы на морском пути из Европы на Дальний Восток. Анализ содержания переговоров между Мао Цзе Дунем и Н.С. Хрущёвым (1957–1958) показывает как сформировалась стратегия по превращению холодной войны в «фактор, неблагоприятный американцам»: стремясь расшатать созданные американцами близ границ соцлагеря военные блоки (НАТО, СЕАТО, Багдадский пакт), советский и китайский лидеры пошли на серию политических кризисов как взаимоувязанных этапов геополитического наступления на позиции США: Суэцкий (1956), Сирийский (1957), Ближневосточный (1958) 2-й Берлинский (1958), Карибский (1962) и др.

Ключевые слова: холодная война, Н.С. Хрущев, помощь в развитии, Берлинский кризис, флот, Азия.

Для цитирования: Скороспелов П.П. «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953–1964). Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 9–28. DOI: 10.31857/S086919080019661-4

“A SPECIAL FORM OF MAKING FOREIGN POLICY BY
THE THREAT OF WAR TO IMPERIALISTS”.
A CASE STUDY OF MILITARY-POLITICAL ACTIVITY OF CENTRAL
COMMITTEE PRESIDIUUM UNDER N.S. KHRUSHCHEV, 1954–1964.
Part 1

© 2022

Petr P. SKOROSPELOV ^a

^a – Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2921-7516; Pps67@rambler.ru

Abstract: *Khrushchev's foreign policy (1953–1964) that characterized by the strategy of “balancing on the edge” is usually recognized as erroneous. Immediately after Stalin's death, his successors initially feared a nuclear attack from the United States, which their own Air Force and Air Defense were unable to repel or to retaliate. Therefore, in 1954–1955, the Soviet leader attempted to create a buffer zone of neutral states along the perimeter of the USSR's borders: he stopped the Korean War, proposed the mutual withdrawal of troops from Europe, etc. After the 1955 Geneva Conference, Khrushchev began to act more courageously, because he saw that the U.S. were afraid of the USSR too and didn't want to attack it first. Trying to use the opportunities of the European colonial empires' disintegration, the USSR provided to the newly independent states in Asia and Africa a large-scale economic, military, technical, and political support, and first of all, to Egypt and Indonesia, which controlled the Suez Canal and the Strait of Malacca – key areas on the sea route from Europe to the Far East. The negotiations between Mao Tse Tung and Khrushchev in 1957–1958 reveals their intention to shake up the military blocs created by the Americans near the borders of the socialist camp (NATO, SEATO, the Baghdad Pact). The Soviet leader initiated a series of political crises as interconnected stages of geopolitical offensive against the US position: the Suez (1956), the Syrian (1957), the Middle East (1958), the 2nd Berlin (1958), the Caribbean (1962), etc., which brought the USSR to the brink of war.*

Keywords: Cold war, N.S. Khrushchev, Developmental Aid, Berlin crisis, Navy, Asia.

For citation: Skorospelov P.P. “A Special Form of Making Foreign Policy by the Threat of War to Imperialists”. A Case Study of Military-Political Activity of Central Committee Presidium under N.S. Khrushchev, 1954–1964. Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 9–28. DOI: 10.31857/S086919080019661-4

Итоги военно-политической деятельности Н.С. Хрущева обычно оцениваются как противоречивые, причем больше со знаком «минус» (см., например: [Фурсенко, Нафтали, 2018]). Истоки этой традиции берут свое начало еще осенью 1964 г., в период подготовки к отстранению его от власти. Вопрос о внешнеполитических просчетах советского лидера

занимал заметное, хотя и не главное, место уже в докладе Президиума ЦК октябрьскому Пленуму, подготовленного членами Президиума ЦК А.Н. Шелепиным, Д.С. Полянским с участием секретарей ЦК Ю.В. Андропова и П.Н. Демичева¹.

Авторы доклада обвиняли Хрущева в «неосмотрительности, субъективизме и авантюризме», из-за чего страна «оказывалась втянутой то в одну, то в другую ситуацию, при которой опасность войны становилась очень близкой»². Сначала Суэцкий кризис (1956) – «тогда мы находились на волосок от большой войны!». Затем Берлинский кризис (1958–1962), когда Хрущев предъявил западным державам ультиматум: «либо к такому-то сроку Берлин станет вольным городом <что предполагало вывод расположенных в Западном Берлине воинских контингентов США, Великобритании и Франции>³, либо нас не остановит даже война... Неизвестно, на что он рассчитывал. Ведь нет у нас таких дураков, которые считали бы, что надо воевать „за вольный город Берлин“». Третьим, самым опасным случаем, поставившим мир на грань ядерной войны и страшно перепугавшим «самого организатора столь опасной затеи», в докладе был назван Карибский кризис (1962): «Не имея другого выхода, мы были вынуждены принять все требования и условия, продиктованные США... Ракеты и большая часть войск по требованию США были вывезены с Кубы» [Доклад Президиума..., 2007, с. 197–198].

К числу серьезных ошибок Хрущева во внешних делах относили авторы доклада и угрозу раскола социалистического лагеря на три группы (первая – страны, идущие за СССР; вторая – идущие за Китаем; третья – страны вне этих группировок – Югославия и Румыния). Критически – как неэффективное и убыточное – оценивалось и оказание экономической и финансовой помощи недавно обретшим национальную независимость странам «третьего мира». «В отличие от западных держав, которые сотни лет занимали господствующее положение в Азии, Африке и Латинской Америке и отлично знают обстановку, обычаи и условия жизни этих народов, – говорилось в докладе, – мы же порой, ничего толком не зная о таких странах, оказываем им широкую финансовую, технико-экономическую, военную и иную помощь». Результаты во многих случаях оказались плачевными: «съев то, что мы им дали, руководители некоторых из этих стран отвернулись от нас». В числе наиболее вопиющих случаев расточительности – строительство стадиона на 100 тыс. мест в Джакарте, исследовательского атомного центра в Гане [Доклад Президиума..., 2007, с. 199–201], и таких примеров в докладе было приведено немало.

Серьезные ошибки в руководстве внешнеполитической деятельностью, а точнее – в военно-политической сфере, и прежде всего то, что «в течение последних семи лет <с 1956 по 1964 г.> Советская страна без всяких к тому серьезных причин и оснований трижды оказывалась на грани войны, в «докладе Полянского» оценивались не как случайность, а как результат «особого способа осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам» [Доклад Президиума..., 2007, с. 198].

В предлагаемой работе сделана попытка показать «анатомию» этого «особого способа осуществления внешней политики», оценить эффективность военно-политической стратегии Президиума ЦК в период 1953–1964 гг., преемственность ее целей по сравнению с предшествующим, «сталинским периодом» и ее влияние на стратегическую линию поведения пришедшего на смену Хрущеву «коллективному руководству» во главе с Л.И. Брежневым.

¹ Подробнее о «докладе Полянского»: [Пихоя, 2009, т. 1, с. 431–435; Артизов, Сигачев, 2020, с. 35–37].

² Зд. и далее «доклад Полянского» цит. по: [Доклад Президиума..., 2007].

³ Зд. и далее в угловых скобках <> – мои добавления и комментарии. – П.С.

ПРЕЗИДИУМ ЦК ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА И ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ в 1953–1955 гг.

Первое время после смерти И.В. Сталина советское руководство чувствовало себя неуверенно. «В отношении с западными державами и США мы стояли на грани войны». Так об этом периоде вспоминал Н.А. Булганин, возглавлявший накануне смерти «вождя» Постоянную комиссию Президиума ЦК по обороне [Стенографический отчет..., 1994, с. 46]. Почему после смерти Сталина новое руководство СССР считало, что страна находится на пороге войны с западными державами?

Следует сразу сказать, что анализ материалов Постоянной комиссии по обороне Президиума ЦК свидетельствует о том, что советское военно-политическое руководство в последние годы жизни Сталина определенно не стремилось стать участником новой большой войны на Западе. СССР к такой войне явно не был готов. Об этом Сталин прямо говорил Лю Шаоци в июне 1949 г., подчеркивая, что «страна опустошена от западных границ до Волги»⁴. Как отмечалось в записке Военного министерства в Постоянную комиссию по вопросам обороны от 29 октября 1952 г., «наша промышленность не имеет мобилизационного плана и к разработке его до сих пор не приступлено, что в случае военных действий поставит вооружение и материально-техническое обеспечение Советской Армии в крайне тяжелое положение»⁵.

В случае агрессии со стороны США и их союзников советская группировка в Германии должна была вести активную оборону. Отразив первоначальный натиск противника, она должна была контратаковать, имея в качестве ближайшей задачи достаточно скромную цель – выход на рубеж р. Рейн и овладение плацдармами на его западном берегу. Для чехословацкой армии ставилась задача выхода на рубеж р. Дунай и захвата плацдармов на его южном берегу в районе Регенсбург-Штаубинг. При этом в документах оперативного планирования чехословацкой армии (они отражали вводные советского Генштаба) отмечалось, что без немецких дивизий западные империалисты не будут иметь достаточно сил, чтобы развязать военный конфликт в 1952 г.⁶ [Lunak, 2006, p. 74]. На Дальнем Востоке центром тяжести оперативного планирования Народно-освободительной армии Китая (далее – НОАК) являлось отражение высадки американского десанта на Ляодунском или Шаньдунском полуостровах.

Сталин столкновения с Америкой не боялся. Он считал, что идущая в Корее война отвлекает США от Европы, и после ее начала «американцы вообще не способны вести большую войну»⁷. К этому мнению вождь пришёл ещё в августе 1950 г. и не изменил ему

⁴ «Если мы, руководители пойдем на это (имелось в виду развязывание новой мировой войны) – заявил Сталин Лю Шаоци – русский народ нас не поймет. Более того. Он может прогнать нас прочь. За недооценку его военных и послевоенных бед и усилий. За легкомыслие...» [Гончаров, 1991, с. 88].

⁵ Записка Василевского, Малинина в Постоянную комиссию по вопросам обороны Президиума ЦК, 29 октября 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 17, оп. 164, д. 683, л. 11.

⁶ На рубеже 1940–50-х гг. при разработке замысла применения ВС СССР на случай большой войны на Западе советский Генеральный штаб вернулся к базовым подходам советского военного планирования кануна ВОВ. «Заметно, что они воспроизводят общую картину предвоенного замысла начального периода войны с Германией», – отмечает А.А. Кокошин, первый обративший на это внимание. И это не удивительно, учитывая, что во главе Военного министерства СССР стоял маршал Василевский – основной разработчик всех документов стратегического планирования перед войной в бытность его заместителем начальника Оперативного управления Генштаба [Кокошин, 1995, с. 207–208].

⁷ Главком ОВС НАТО Эйзенхауэр надеялся иметь к концу 1952 г. в своем распоряжении 25 боеготовых дивизий, и еще 25 на тридцатый после начала операции. С этими силами он рассчитывал успешно противостоять 20–30 дивизиям, которыми, по американским оценкам, СССР располагал в Германии. Эти расчеты не учитывали, что боевой состав Советской Армии в первом периоде войны должен был насчитывать

до своей смерти⁸. В декабре 1952 г., отвечая Мао Цзэдуну на его телеграмму относительно вероятности нового большого наступления американцев на Дальнем Востоке весной 1953 г., Сталин писал, что вероятно эти планы будут изменены новой американской администрацией Эйзенхауэра в сторону меньшего напряжения на фронте в Корее. Единственное, что беспокоило Сталина – американская атомная бомба. Как он говорил Чжоу Энляо: «вся их сила в налетах, в атомной бомбе»⁹. Именно это обстоятельство беспокоило советское военно-политическое руководство больше всего, когда оно думало о возможности вооруженного конфликта с США¹⁰.

Как свидетельствуют материалы Постоянной Комиссии по обороне, в текущей деятельности Президиума ЦК по военно-политической проблематике в 1952 г. – начале 1953 г. приоритетными были следующие вопросы:

Во-первых, война в Корее и связанная с ней необходимость укрепления обороны Дальнего Востока. Конфликт на Дальнем Востоке становился обременительным для СССР. Из имевшихся в районе Мукден – Аньдун 9 истребительных дивизий, как докладывали Сталину А.М. Василевский и М.С. Малинин, фактически действовали только 2 советские. Китайцы свои истребители использовали очень осторожно, главным образом против устаревших американских самолетов. Из-за этого американцы в боях, как правило, имели численный перевес, и истребительный авиакорпус Г.А. Лобова нес большие потери¹¹. Потери в результате периодических боестолкновений с американцами несла и авиация 5-го ВМФ¹² в Приморье¹³. Вероятность горизонтальной эскалации конфликта – блокады США китайского побережья и бомбардировки ими военных баз КНР, о чем сообщала разведка МГБ, заставляла думать о необходимости усиления советской группировки на Ляодунском полуострове¹⁴.

Во-вторых, срочная необходимость создания системы воздушной обороны СССР и стран народной демократии, «способной при любых обстоятельствах не допустить безнаказанного проникновения вражеских самолетов на территорию Советского Союза». Здесь тоже были крупные проблемы. Из 31 авиадивизии, привлеченной для воздушной обороны, 15 не имели необходимого количества летчиков, способных нести боевую службу в сложных метеоусловиях днем и ночью. Не хватало радиолокаторов и постов ВНОС. В результате только во втором полугодии 1952 г. было зафиксировано 25 случаев безнаказанного

360 стрелковых, танковых и механизированных дивизий, а всего по мобилизации планировалось развернуть до 7 млн 850 тыс. чел. Противопоставить этой армии США было бы просто нечего (подробнее см.: [Leffler, 1992, p. 450–453]).

⁸ Прага. Совпосол, 27 августа 1950 г. *РГАСПИ*, ф. 558, оп. 11, д. 62, л. 71–72.

⁹ Семенов – Гл. военному советнику для Мао Цзэдуна, 27 декабря 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 558, оп. 11, д. 343, л. 115; Запись беседы Сталина с Чжоу Энляо, 20 августа 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 558, оп. 11, д. 329, л. 68.

¹⁰ Сталин основывался на данных разведки. МГБ докладывало о том, что США в случае войны намереваются отказаться от планов «обороны» Европы по линии Рейна и планируют сосредоточить свои основные силы на «базах» в Пиренеях, на Британских островах и в Северной Африке, откуда они рассчитывают вести воздушную войну против СССР [Резюме доклада Игнатьева от 10 февраля 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 558, оп. 11, д. 1042, л. 42]. Эти данные отражали реальные подходы США к планированию применения своих Вооруженных сил. См.: [Carter, 2015, p. 20].

¹¹ При этом 50% в районе своих аэродромов [Записка Василевского, Штеменко, Жигарева в Бюро ЦМ СССР, 12 мая 1952 г.; Василевский, Малинин – Сталину, 17 ноября 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 17, оп. 164, д. 688, л. 125–150].

¹² В 1947–1953 гг. Тихоокеанский флот был разделен на 5-й ВМФ с главной базой во Владивостоке и 7-й ВМФ с главной базой в Советской Гавани.

¹³ Басистый, Фокин – Сталину, 19 ноября 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 17, д. 691, л. 53–54.

¹⁴ Резюме доклада Игнатьева (МГБ), 30 января 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 82, оп. 2, д. 1042, л. 29; Василевский, Малинин – Сталину, 3 декабря 1952 г. *РГАСПИ*, ф. 17, оп. 164, д. 692.

нарушения «вражескими» самолетами государственной границы СССР, что стало поводом для крупного разбирательства в ЦК¹⁵.

И, наконец, в-третьих, создание группировки сверхдальних тяжелых бомбардировщиков, радиус действий которых обеспечивал поражение критически важных объектов на территории США. Замысел «атомного рейда» на США впервые существовал уже как минимум в июле 1952 г., о чем свидетельствует рабочая карта, подготовленная для Сталина в Главном штабе ВВС и датированная 2 июля 1952 г. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 164, д. 697, л. 84]. Однако формирование двух тяжелых бомбардировочных авиадивизий на самолетах М-4 и ТУ-95 и создание соответствующей аэродромной сети для них (в том числе оперативных аэродромов в арктической зоне и в ГДР, откуда могли наноситься удары по объектам в США) – могло быть завершено не ранее 1955–1956 гг.¹⁶. До этого возможности нанести ответный удар в случае атомного наступления США у СССР не было.

Накануне смерти Сталина международное положение СССР можно охарактеризовать как состояние «полуизоляции»¹⁷. Атрофировалась система влияния даже на крупные соседние страны за пределами соцлагеря – в том числе там, где еще недавно оно было значительным. Кремль «уходил в себя». Это хорошо видно на примере Ирана. Когда совпосол предложил Центру поддержать премьера Моссадыка в его стремлении национализировать Англо-Иранскую нефтяную компанию, ему настоятельно порекомендовали «не поддаваться коварным приемам восточной дипломатии» и держаться такой линии поведения, чтобы «не быть использованным в игре Моссадыка с англичанами и американцами»¹⁸. В Европе советское внешнеполитическое наступление, связанное с нотной перепиской 1952 г. по германскому вопросу явно буксовало. Блокировать интеграцию Западной Германии в Североатлантический альянс очевидно не получалось.

Еще более тревожной выглядела ситуация на американском направлении. В поле зрения МИДа и разведки, как свидетельствуют информационные материалы, поступавшие в адрес руководящей группы Политбюро – так называемой восьмерки, была ситуация в Иране, Египте, Индии, Британской империи, Франции и Германии. Но практически полностью отсутствовали какие-либо документальные материалы политического характера по США¹⁹. Складывается впечатление, что разведка не располагала там серьезными оперативными позициями, а посольство находилось в изоляции и не поддерживало контакты в американском истеблишменте на высоком уровне. Что могли «удумать» в Вашингтоне? Разведка МГБ смогла добыть документальные данные о планировании США атомной войны против СССР. Были получены достоверные данные и о проблеме «дня А» – последней благоприятной для США возможности безнаказанного (без опасения ответных действий) нанесения атомных ударов по Советскому Союзу. Согласно американским расчетам, «день А» приходился на 1954 г. [*Очерки истории российской внешней разведки...* т. 5, с. 38–39]. Разговоры о нанесении упреждающего удара в США в этот период велись постоянно (подробнее см.: [Trachtenberg, 1999, Ch. 3])!

¹⁵ Постановление ЦМ СССР от 17 января 1953 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 164, д. 694, л. 84–90.

¹⁶ Соколовский, Жигарев «Обоснование строительства аэродромов...». РГАСПИ, ф. 17, оп. 164, д. 697, л. 13–17.

¹⁷ Любопытно, что в фокусе внимания постоянной комиссии Президиума ЦК по международным делам (ее возглавлял Г.М. Маленков) лежали прежде всего вопросы индустриализации Китая [РГАСПИ, ф. 17, оп. 164, д. 615, л. 2, 93, 170–171; д. 632. л. 3–120; д. 636. л. 6–203].

¹⁸ Записка Малика Маленкову, 27 ноября 1952 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 164, д. 629, л. 90.

¹⁹ Комплексный срез разведывательной информации, поступавшей в этот период в адрес «восьмерки» дают «рапортчики» Молотова. С 1950 г. он перестал читать поступавшие в его адрес материалы спецслужб. Вместо этого его секретариат готовил ему достаточно обширное резюме поступавших документов, с указанием их рассылки. Они сохранились в личном архиве Молотова [РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 441–446].

Так почему Сталин войны не боялся, а его наследники считали, что на момент его смерти СССР находился на пороге войны с «англо-американским блоком»? Конечно, можно сказать, что калибр его соратников был не тот. Как говорил им сам Сталин: «вот умру, передуют Вас как куропаток, не сумеете Вы отстоять советское государство» [Хрущев, 1999, т. 2, с. 263]²⁰. Но самое главное, что не давало спокойно спать по ночам членам Президиума ЦК – воздушная оборона СССР находилась в неудовлетворительном состоянии, а перспективы продолжения и даже эскалации конфликта в Корее начинали работать против Советского Союза. Ответить в случае «атомного наступления» США было нечем.

ПОЛИТИКА СОЗДАНИЯ БУФЕРНЫХ ЗОН

После смерти Сталина формирование новых подходов к позиционированию СССР в мировых делах происходило стремительно. Уже в марте 1953 г. начался поиск развязок по ключевым вопросам безопасности в Азии – прежде всего корейскому. После консультаций с союзниками в Пекине и Пхеньяне было принято решение «о необходимости внесения изменений в политику на переговорах для скорейшего окончания войны в Корее»²¹. В апреле – мае МИДом с активным участием членов Президиума ЦК был разработан ряд новых предложений по германскому вопросу. Наиболее радикальное из них – предложение вывести оккупационные войска из Германии и взять курс на ее объединение в виде буржуазно-демократического государства²². Практически в это же время последовали крупные инициативы советской дипломатии в отношении Турции и Ирана. 3 мая 1953 г. В.М. Молотов заявил об отказе советского правительства от территориальных претензий к Турции и о пересмотре прежней позиции по вопросу об обеспечении безопасности СССР в Иране. И.В. Садчиков передал премьеру Ирана М. Мосаддыку заявление советского правительства о готовности урегулировать пограничные и финансовые разногласия между двумя странами [*Очерки истории МИД*, 2002, т. 2, с. 377].

По сути, речь шла о попытке наследников Сталина заново выстроить целостную систему безопасности в ближайшем геополитическом окружении социалистического лагеря. В первом приближении эти наброски стали приобретать системный характер в ходе подготовки Берлинского СМВД (февраль 1954 г.), а окончательно они сложились в единый замысел при разработке директив к Женевской конференции глав правительств четырех держав (июль 1955 г.) – первого за десять лет саммита лидеров великих держав после Потсдама (1945 г.). Внесенные МИДом 13 июня инструкции советской делегации были существенным образом доработаны комиссией Президиума ЦК в составе Хрущёва, Булганина, Кагановича, Микояна и Молотова, о чем свидетельствуют сохранившиеся записи Молотова (на отдельном листе бумаги, синим карандашом) [*АВП РФ*, ф. 06, оп. 14, п. 43, д. 3, л. 67].

В результате получилась достаточно целостная картина «образа будущего» в отношениях между великими державами, как его тогда представляли себе советские руководители. Она включала в себя:

²⁰ Эта фраза крепко засела в мозгу Хрущева, и он впоследствии не раз повторял ее различным собеседникам (см. например: [Запись беседы Хрущева с Чэнь И, 5 июля 1961 г. *РГАНИ*, ф. 52, оп. 1, д. 322, л. 31–32]).

²¹ Постановление СМ СССР с приложением проектов писем Мао Цзэдуну, Ким Ир Сёну и директивой совдеlegation в ООН. *АВП РФ*, ф. 059а, оп. 5а, п. 4, д. 11, л. 54–65.

²² В развитие нотной переписки 1952 г. СССР с западными державами о мирном договоре с Германией мидовскими германистами при ведущей роли В. Семенова была подготовлена серия позиционных материалов, итогом которых стали записки Молотова в ЦК от 3 и 10 мая 1953 г. [*АВП РФ*, ф. 06, оп. 12, п. 16, д. 259, л. 39–51]. Предложение об объединении Германии как буржуазно-демократического государства было озвучено Маленковым в ходе встречи руководителей СССР и ГДР 2 июня 1953 г. [Текст выступления Маленкова *РГАСПИ*, ф. 83, оп. 1, д. 3, л. 131–141].

– Серьезное сокращение вооруженных сил великих держав и их обязательство не применять первыми ядерное оружие и вооружённые силы друг против друга;

– Заключение пакта о ненападении между НАТО и ОВД и создание системы коллективной безопасности в Европе (на первом этапе ее создание не предполагало роспуска противостоящих блоков);

– Невступление Германии в случае ее объединения в коалиции и военные союзы, направленные против других государств;

– Вывод иностранных войск с территории европейских государств;

– Ликвидацию и недопущение создания иностранных военных баз в районах, расположенных вблизи границ СССР, прежде всего в Турции, Греции, Норвегии, Дании (фактически это означало нейтрализацию проливных зон в Черном и Балтийском морях и выхода в Северную Атлантику)²³.

Применительно к Дальнему Востоку речь шла о выводе иностранных войск из Кореи, деэскалации в Тайваньском проливе и завершении процесса политического урегулирования в Индокитае и его нейтрализации²⁴.

Стратегия носила коалиционный характер. Предложения, касающиеся системы безопасности по периметру границ соцлагеря тщательно выверялись с китайскими друзьями²⁵. Ее суть состояла в стремлении создать, где возможно, нейтральную «прокладку» (выражение А.М. Александрова) между соцлагерем и «англо-американским блоком» (так тогда определялся главный противник СССР и его союзников) [Александров-Агентов, 1994, с. 93]. И если внимание к буферным и проливым зонам роднит это видение со сталинским пониманием системы безопасности СССР, то были и существенные различия.

Ключевым элементом новой системы безопасности СССР – как она виделась Хрущеву и его коллегам по Президиуму ЦК – было предложение о выводе войск СССР, США, Великобритании и Франции, находящихся на территориях других европейских государств, в пределы своих национальных границ, – «чтобы в этом отношении было восстановлено довоенное положение» в Европе²⁶. И в этом Президиум ЦК во главе с Хрущевым принципиально расходился с позицией советского руководства десятилетней давности.

В сентябре 1945 г. предложенный американским госсекретарем Дж.Ф. Бирнсом вариант мирного договора с Германией, предполагавший быстрое завершение ее оккупации, спровоцировал масштабную дискуссию в советском руководстве. Первая реакция Сталина на предложение Бирнса – американцы хотят «получить от СССР формальное согласие на то, чтобы США играли в делах Европы такую же роль, как СССР, с тем чтобы потом в блоке с

²³ О директивах к совещанию глав правительств четырех держав. ПР № 130 заседания Президиума ЦК от 12 июля 1955 г. *РГАНИ*, ф. 3, оп. 10, д. 155, л. 14–42.

²⁴ Цель не допустить создания на территории Индокитае иностранных военных баз и втягивания Вьетнама, Лаоса и Камбоджи в какие-либо военные группировки и блоки была сформулирована в ходе Женевского СМВД по вопросу мирного урегулирования в Кореи и Индокитае (апрель – июль 1954 г.). Там же. л. 30–38; Из дневника Молотова. Запись беседы с Чжоу Энь-Лаем и Фам Ван Донгом. 16 июля 1954 г. *АВП РФ*, ф. 06, оп. 13а, п. 25, д. 2, л. 103.

²⁵ Из дневника П. Юдина. Запись беседы с т. Мао Цзэдуном, 30 мая 1955 г. *АПВ РФ*, ф. 0100, оп. 48, п. 393, д. 9, л. 118–119. Мао советовал советским друзьям: «следует поработать над тем, чтобы оторвать Югославию от капиталистического лагеря, чтобы укрепить левый фланг нашего фронта. На этом фланге будут нейтрализованная Австрия, нейтрализованная Швейцария. Было бы очень хорошо, если бы удалось еще нейтрализовать и Италию». А для укрепления правого фланга, по его словам, стоило бы поработать над нейтрализацией Финляндии, Швеции и Норвегии.

²⁶ О директивах к совещанию глав правительств четырех держав. ПР № 130 заседания Президиума ЦК от 12 июля 1955 г. *РГАНИ*, ф. 3, оп. 10, д. 155, л. 23.

Англией взять в свои руки судьбу Европы»²⁷. В мае – июне 1946 г. по решению Политбюро состоялся опрос высшего политического и военного руководства Советского Союза и ведущих дипломатов об их отношении к американскому проекту. Такого рода мероприятия не проводились в советском руководстве с 1924 г., когда решался вопрос о линии Кремля в мировых делах после окончания гражданской войны. Общее мнение советских «вождей» было выражено Г.К. Жуковым: «американцы хотят как можно скорее закончить оккупацию Германии и удалить Вооруженные Силы СССР из Германии, а затем поставить вопрос о выводе наших войск из Польши, а в дальнейшем и из Балканских стран»²⁸.

Базовый тезис советского планирования послевоенного мирового устройства – в Европе должна быть только одна мощная сухопутная держава – СССР²⁹, после смерти Сталина был творчески переосмыслен новым руководством, взявшим на вооружение американские предложения десятилетней давности. Взаимный вывод советских и американских войск из Европы означал бы, что американцы уходят за океан, а советские войска отводятся на несколько сот километров на свою территорию. Такой вариант, как считали в Кремле, с военно-стратегической точки зрения был бы менее обременителен, чем необходимость держать крупную группировку войск в центре Европы.

Женевский саммит не завершился крупными договоренностями. Западные державы, считая, что общее соотношение сил им благоприятствует, и они говорят с Советами с позиции силы, требовали от Советского правительства согласия на объединение Германии на «буржуазной основе с включением ее в западную военную группировку» и «финляндизацию» Восточной Европы в обмен на предоставление Советскому Союзу гарантий безопасности со стороны западных держав³⁰. Такой вариант, например, обсуждался Дж.Ф. Даллесом в беседе с Булганиным 18 июля [*FRUS*, 1955–57, vol. V, p. 377]³¹. На это «мягкое» вытеснение СССР из Европы наследники Сталина тогда, очевидно, пойти не могли. Тем не менее подготовка Женевской встречи в верхах на десятилетия вперед сформировала видение Москвой «идеальной» системы европейской безопасности. Главный же практический итог саммита для советских руководителей заключался в том, что он окончательно развеял страх перед угрозой войны. Как писал в своих мемуарах Хрущев, поездка в июле 1955 г. в Женеву убедила советских руководителей, что «никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как и мы их» [Хрущев, 1999, т. 2, с. 262].

ПОВОРОТ НА ЮГ

Политика Президиума ЦК, однако, не сводилась только к стремлению поддержать status-quo в отношениях с Западом. Несмотря на то что сразу после Второй мировой войны СССР не удалось «вклиниться в Средиземное море, добившись там баз и плацдармов»³²,

²⁷ Сталин – Молотову, 22 сентября 1945 г. *РГАСПИ*, ф. 558, оп. 11, д. 237, л. 33.

²⁸ Молотов – Сталину с препровождением «Справки по замечаниям относительно представленных Бирнсом проектов договоров о разоружении и демилитаризации Германии и Японии», 8 июня 1946 г. *СССР и германский вопрос...*, т. 2, с. 574.

²⁹ Майский – Молотову, 11 января 1944 г. *АВП РФ*, ф. 06, оп. 6, п. 14, д. 145, л. 29.

³⁰ Проект телеграммы Совпослу в Пекине об итогах Женевского совещания. *АВП РФ*, ф. 06, оп. 14, п. 43, д. 3, л. 11.

³¹ Цели США на переговорах четырех держав были определены в директиве СНБ 5524/1 11 июля 1955 г. следующим образом: вытеснение СССР из Восточной и Центральной Европы, включая вывод советских войск из Восточной Германии, Польши, Венгрии и Румынии; объединение Германии на основе «свободных выборов» с последующим членством в НАТО [*FRUS*, 1955–57, vol. V, p. 2407].

³² Рим. Совпосол (для Тольятти), 5 февраля 1946 г. *РГАСПИ*, ф. 558, оп. 11, д. 319, л. 1.

в советских политических и военных кругах эта идея никогда не умирала. Уже в конце октября 1953 г. Хрущев в разговоре с командующим Черноморским флотом адмиралом С.Г. Горшковым отмечает: «теперь в Черном море вы полноправный хозяин. Уже можно выходить в Средиземное море, показывать и там наши корабли, и наше оружие. Обязательно необходимо посетить Албанию и немного попозже Югославию. Дела с Тито у нас идут неплохо» [Монахов, 2008, с. 409].

В качестве перспективной базы для флота первоначально рассматривалась Албания. И уже в 1954 г. Горшков, прибыв с отрядом кораблей с визитом в Албанию, на месте изучает возможность создания военно-морской базы в заливе Влера (была создана в 1958 г.) [Монахов, 2008, с. 486]. В 1955 г., по совету И.Б. Тито, Хрущев обращает внимание на Египет³³. Прорыв в отношениях между Москвой и Каиром был достигнут в ходе визита секретаря ЦК Д.Т. Шепилова в Каир 23–26 июля. Итогом весьма откровенных переговоров Шепилова с Насером и другими египетскими руководителями (речь шла о грядущей национализации Суэцкого канала и эвакуации оттуда английских войск, помощи, которую Египет оказывает освободительным движением в Северной Африке – Алжире, Ливии, Тунисе, Марокко [Косырев, 2017, с. 309–314]) – стало решение Хрущева помочь Насеру экономически и оружием и «залезть» таким образом, в самое сосредоточие британской сферы влияния на Ближнем Востоке³⁴. Основной мотив – геополитическое значение Суэцкого канала, которое хорошо понимали в Москве³⁵.

Смысл советской стратегии метко сформулировал министр обороны СССР Жуков: «мы хотим выиграть войну без войны». Понимая весь риск сделанной ставки («западники, видимо, так судят: ... хотим вроде проглотить Египет и захватить Суэцкий канал»)³⁶, Хрущев счел принятую линию правильной, и что она «окупается»³⁷. Так и случилось. Массированные поставки авиационного и бронетанкового вооружения, военных судов, превращавшие Египет в сильнейшую региональную державу, дипломатическая поддержка, оказанная египтянам в ходе Лондонской конференции по Суэцкому каналу (август 1956 г.), внешнеполитические действия, предпринятые СССР для срыва попытки Англии и Франции (совместно с Израилем) военным путем вернуть себе позиции в зоне канала в ходе Суэцкого кризиса (ноябрь 1956 г.) – заложили основу для прочного альянса между Москвой и Каиром, который просуществовал до середины 1970-х гг.

Суть произошедшего быстро поняли американцы. Американский посол в Москве Ч. Болен докладывал в ноябре 1956 г. в Госдепартамент: «В будущем Ближний Восток станет центром тяжести советской внешней политики. Шепилов и Жуков являются представителями той точки зрения, что Ближний Восток является ключевым звеном, контроль над которым может отрезать Запад от Востока. Подрыв западных позиций на Ближнем Востоке откроет Африку для проникновения советского влияния и лишит Запад доступа к стратегическим базам, жизненно важным линиям коммуникаций, сырьевым ресурсам и рынкам» [Hitchcock, 2018, p. 338].

³³ Первая реакция Хрущева: «Мы Насера очень мало знаем... как только мы начнем ему помогать, они <колонизаторы> его сразу сбросят» [Протокольная запись переговоров между югославской и советской делегациями. 26 мая – 3 июня 1955 г.). *Встречи и переговоры...*, т. I, 2014, с. 65–66].

³⁴ Если Сталин признавал, что «Египет – это сфера влияния Великобритании», то Хрущев считал иначе. По его мнению, политика Насера «ослабляла Англию на Ближнем Востоке. Это было в интересах СССР, и мы поддерживали линию Насера» [Хрущев, т. 3, 1999, с. 389, 391].

³⁵ Именно этими аргументами пользовался Шепилов, когда доказывал Хрущеву, что помощь Египту будет в нашу пользу [Косырев, 2017, с. 314 – ссылка на беседу Шепилова с Ф. Чуевым]. См. так же: [Серов, 2017, с. 545 и *Воспоминания академика А.Д. Сахарова*, т. I, с. 259–260] (он был вызван на заседание Президиума в тот же день, когда заслушивался доклад Шепилова).

³⁶ Высказывания Жукова и Хрущева на заседании Президиума ЦК 11 августа 1956 г. *Президиум ЦК КПСС*, 2015, т. 1, с. 157.

³⁷ Размышления Хрущева на заседании Президиума ЦК 16 ноября 1955 г. *Президиум ЦК КПСС*, 2015, т. I, с. 63.

После Бандунгской конференции (апрель 1955 г.) по совету китайских друзей Президиум ЦК обращает внимание на новые формирующиеся центры силы в Азии³⁸. Говоря о том, что КНР придает большое значение конференции, Мао Цзэдун еще в январе 1955 г. указывал советскому послу, что «Индия, Индонезия и Бирма <наиболее крупные азиатские государства> занимают самостоятельные позиции, не хотят американского господства в их странах», и что в результате «не только положение США, но и положение Англии на Востоке серьезно подорвано и ослаблено»³⁹.

В декабре 1955 г. советская правительственная делегация во главе с Хрущевым и Булганиным посетила Индию, Бирму и Афганистан. Особую значимость «замечательной поездке в южные страны», по мнению И.М. Майского – одного из главных разработчиков советской концепции послевоенного мирового устройства – придавало то обстоятельство, что «ближайший этап борьбы за мировое господство социализма пройдет через освобождение колониальных и полуколониальных народов от империалистической эксплуатации». «В Азии, Африке, Латинской Америке, – писал он в личном письме Хрущеву и Булганину 22 декабря 1955 г., – почва для такой борьбы на данном этапе, видимо, более благоприятна, чем в Европе и США. Вместе с тем потеря империалистическими державами своих колоний и полукolonий должна ускорить победу социализма в Европе и, в конце концов, в США. Еще в 30-х гг., когда я работал в Лондоне в качестве посла СССР, я пришел к мысли, что широкие массы британского пролетариата ступят по-настоящему на социалистическую дорогу лишь тогда, когда Англия потеряет свою империю... Теперь этот момент не за горами»⁴⁰.

По результатам поездки Президиумом ЦК было принято решение о готовности СССР оказать помощь в индустриализации этих стран⁴¹, что послужило началом быстрого роста экономического и технического содействия со стороны Советского Союза странам Азии и Африки. Решение принималось непросто. На заседании Президиума 16 декабря против выступил Л.М. Каганович: «Минус – прецедент. Вступаем в конкуренцию с США – не выдержим»; его поддерживал Молотов. Тем не менее большинство членов Президиума выступило «за». Их мнение суммировал А.И. Микоян: «некоторым государствам придется помогать, если хотим вступить в более серьезное соревнование с США»⁴².

Концептуальные подходы, направленные на расширение и укрепление связей СССР со странами Азии и Африки, разрабатывались в МИДе при активном личном участии нового министра Шепилова. 14 января 1957 г. ему на стол лег подготовленный отделом Юго-Восточной Азии позиционный материал, в котором наряду с мероприятиями политического характера содержались и революционные предложения по развитию экономических связей СССР с новыми независимыми государствами «третьего мира». В т.ч. предлагалось, начиная с 1957 г., помогать экономическому развитию этих стран за счет бюджета СССР, «используя для этой цели часть средств, высвобождаемых на нужды мирного строительства в результате сокращения военных расходов»⁴³.

³⁸ Проходила 18–24 апреля 1955 г. в г. Бандунг (Индонезия). Явилась первым представительным форумом новых независимых государств и национально-освободительных движений стран Азии и Африки, возникших в результате распада колониальных империй европейских стран (делегатов прислали 29 стран). Ведущую роль на конференции играли Дж. Неру, А. Сукарно и Чжоу Эньлай.

³⁹ Из дневника П.Ф. Юдина. Запись беседы с т. Мао Цзэдуном 8 декабря 1955 г. *АВП РФ*, ф. 0100, оп. 46, п. 393, д. 9, л. 27.

⁴⁰ И.М. Майский Н.С. Хрущеву и Н.А. Булганину. 22 декабря 1955 г. *РГАНИ*, ф. 5, оп. 30, д. 161, л. 1.

⁴¹ Об итогах поездки Советской Правительственной делегации в Индию, Бирму и Афганистан. Пост. ЦК КПСС от 31 декабря 1955 г. *РГАНИ*, ф. 3, оп. 10, д. 210, л. 8.

⁴² Заседание 16 декабря 1955 г. [*Президиум ЦК КПСС*, 2015, т. I, с. 71–72].

⁴³ Записка М. Максимова Д.Т. Шепилову, 14 сентября 1957 г. *АВП РФ*, ф. 045, оп. 22, п. 24, д. 1, л. 8.

Согласно принятым Президиумом ЦК решениям, общий объем экономической и технической помощи, а также военные поставки развивающимся странам почти удвоились между 1957 и 1958 гг., а к 1961 г. – утроились по сравнению с уровнем 1958 г., достигнув цифры 2,5 млрд руб. [Friedman, vol. 10, No. 2, 2010, p. 253]. К 1965 г. эта сумма составила уже 3,8 млрд руб. Почти 65% экономической помощи СССР развивающимся странам шло на цели обороны, на развитие экономики – около 35% (у США пропорция была обратной). Помощь Советского Союза, выделяемая на экономические цели, шла главным образом, на строительство комплектов промышленных объектов с целью создания новых отраслей промышленности в этих странах (черная металлургия, машиностроение и металлообработка). К 1965 г. объем советской экономической и военной помощи развивающимся странам составил примерно 0,4% национального дохода. А помощь всем зарубежным странам, включая социалистические – около 1% (такой же процент был и в США). Такая богатая страна как Советский Союз со среднегодовыми темпами роста национального дохода в 10% могла себе это позволить! Почти 90% всех предоставленных развивающимся странам кредитов было выделено ограниченному количеству стран. Главными получателями советской помощи были Египет, Индия, Индонезия (65% предоставленных кредитов), затем шли Афганистан, Алжир, Ирак и Сирия⁴⁴.

Что это давало народному хозяйству СССР? Как отмечал в подготовленном для Хрущева материале председатель Госплана И.И. Кузьмин, доля СССР в мировой торговле по сравнению с дореволюционным периодом не только не выросла, но даже несколько уменьшилась (в 1957 г. на долю СССР приходилось около 4% мирового экспорта и 3,4 % импорта против, соответственно, 4,2% и 3,6% в 1913 г.). По данным Госплана, в 1958 г. на долю топлива, сырья и зерновых в экспорте СССР приходилось, как и в дореволюционной России, около 75%. СССР ввозил примерно на 30% больше машин и оборудования, чем вывозил. Но если в капиталистические страны Советский Союз экспортировал сельскохозяйственную продукцию и сырье, то в развивающиеся страны – машины и оборудование (главным образом в счет государственных кредитов)⁴⁵. Выгодность такого рода внешнеэкономических связей хорошо видна на примере Индонезии. Отмечая большое значение индонезийского рынка для СССР, министр внешней торговли Н.С. Патоличев докладывал в ЦК: «Основным вопросом, представляющим для нас интерес..., является вопрос о закупках индонезийского каучука с оплатой его по возможности за счет выручки от продажи в Индонезию машин и оборудования и других советских товаров»⁴⁶.

Оказание экономической и военной помощи шло рука об руку с предоставлением гарантий безопасности ключевым союзникам в «третьем мире». О военно-политической поддержке, оказанной СССР Египту в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. хорошо известно (см.: [Фурсенко, Нафтали, 2018]). По такой же модели Москва была готова оказать поддержку Индонезии во время мятежа на Центральной Суматре в 1958 г., который был поддержан американцами, использовавшими для поддержки мятежников базы на Филиппинах и Тайване. Как считали советские дипломаты, существовала опасность, что «мятежники, опираясь на Западный Ириан, смогут создать плацдарм для борьбы с индонезийским правительством, что позволило бы им поддерживать прямую связь с Филиппинами и Тайванем»⁴⁷. В этих

⁴⁴ Справка об объемах, направлениях, видах и условиях экономической помощи СССР развивающимся странам в сравнении с помощью, оказываемой западными странами. РГИА, ф. 4372, оп. 81, д. 1775, л. 46–71; Темпы роста национального дохода – [Симонов, 2015, с. 385].

⁴⁵ Проект записки о внешнеполитических связях СССР, представленной И.И. Кузьминым. <Без даты. Представляет собой проект выступления Хрущева. Ориентировочно – начало 1960 г>. РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 355, л. 98–100, 105, 108.

⁴⁶ Н. Патоличев в ЦК КПСС, 10 апреля 1959 г. РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 506, л. 56–57.

⁴⁷ Из дневника К. Крутикова. Беседа с зам. зав. отделом Азии МИД КНР Чэнь Шу-Лином, 28 мая 1958 г. РГАНИ, ф. 5, оп. 49, д. 136, л. 130.

условиях, совместно с КНР, Индонезии была оказана помощь вооружением (оно тайно перевозилось на польских судах), рассматривался и вопрос о возможности посылки советских «добровольцев»⁴⁸.

Военно-политические усилия СССР в «третьем мире» сдерживались отсутствием океанского флота с соответствующей инфраструктурой базирования. Это наглядно продемонстрировал кризис в Конго (1960–1961). Как отмечает А. Яндоло, когда СССР сделал ставку на развитие отношений с богатой природными ресурсами, стратегически значимой страной, такой как Конго – в отличие от небольших, бедных природными ископаемыми Ганы, Гвинеи и Мали – Запад отреагировал применением силы, организовав свержение симпатизировавшего Москве П. Лумумбы. В период активной фазы мятежа в устье р. Конго находился американский авианосец. В случае эскалации кризиса западные державы могли опираться на французские и британские базы в Африке [Jandolo, 2014, p. 54].

Хрущев хорошо понимал эти ограничения. Как он заметил 3 мая 1962 г. (при посещении предприятий судостроительной промышленности в Ленинграде): «Американцы часто посылают эскадры своих кораблей в другие страны и этим влияют, в известной мере, на политику этих стран. Например, их 6-й флот часто посещает Ближний Восток, если там намечаются какие-либо “заварушки”. В этом плане было бы неплохо, если бы мы имели такой флот, который можно будет посылать в те страны, где по обстоятельствам, это было бы нам на пользу, например на Кубу, в африканские страны и т.д. Пока же нам послать некого» [Симонов, 2015, с. 367–368].

Какие цели преследовал СССР в «третьем мире»? Похоже, что советские руководители хотели, наряду с США, поучаствовать в дележе наследства европейских колониальных держав. Складывается впечатление, что при этом в Кремле пробовали имитировать опыт Британской империи. Вот как это пытался растолковать депутатам Верховного Совета СССР министр иностранных дел Шепилов: «для Великобритании особое значение имеют: во-первых, система имперских коммуникаций <эта фраза в тексте доклада была подчеркнута> (эта система охватывает пути, связывающие Британские острова через Средиземное море и Ближний Восток с Индийским океаном, Азией и Тихим океаном); во-вторых, имперские преференции, т.е. предпочтительные тарифы...; в-третьих, стерлинговая зона...». И далее Шепилов обращал внимание депутатов на методичное наступление на британскую имперскую систему, которую вели США: «Взгляните на мировую карту дислокации американских военных баз, а также военно-морского флота, и вам станет ясно, что США нависли над имперскими коммуникациями Англии и фактически держат в своих руках ключи от них»⁴⁹.

Не случайно основные объемы советской экономической и военной помощи шли Египту (около 1 млрд руб. или 25% всего объема помощи развивающимся странам в период 1959–1965) и Индонезии (789 млн руб. или 21%)⁵⁰. Хрущев понимал невозможность в новых условиях реализовать старую российскую мечту о проливах. Говоря о советском демарше в отношении проливов в феврале 1945 г. он с иронией говорил участникам Июньского Пленума ЦК 1957 г.: «...давайте напишем ноту, и сразу нам Дарданеллы отдадут. Таких дураков нет. Дарданеллы не Турция, там теперь сидит узел государств..., мы потеряли

⁴⁸ Записка посольства СССР в КНР об экономическом и политическом положении в КНР, 26 июля 1958 г. *РГАНИ*, д. 135, л. 69; Джакарта. Совпосол (прил. № 2 к п. 2. Пр. № 154, 14.05.1958 г.). *РГАНИ*, ф. 3, оп. 12, д. 377, л. 38.

⁴⁹ Постановление Президиума ЦК «Проект доклада т. Шепилова на шестой сессии в СССР. «Вопросы международного положения и внешней политики СССР», 6 февраля 1957 г. [*Президиум ЦК...*, 2015, т. II, с. 556–557].

⁵⁰ Справка об объемах, направлениях, видах и условиях экономической помощи СССР развивающимся странам в сравнении с помощью, оказываемой западными странами [*РГАЗ*, ф. 4372, оп. 81, д. 1775, л. 72].

дружественную Турцию...»⁵¹. Поэтому Хрущев решает «перепрыгнуть проливы», закрепившись в ключевых пунктах – «узостях» вдоль морского пути из Европы на Дальний Восток – прежде всего в районе Суэцкого канала и Малаккского пролива⁵². А режим функционирования Черноморских и Балтийских проливов должен был решиться «сам собой» в результате их де-факто нейтрализации (как это предлагалось в директивах к Женевской встрече в верхах 1955 г.).

Распад колониальной системы представлял собой исторический шанс, и его нельзя было упустить. Не случайно в постановлении ЦК КПСС «Об итогах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий» (оно состоялось в ноябре 1960 г. в Москве) говорилось о том, что распад системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения представляет собой второе по своему историческому значению после образования мировой социалистической системы явление в современном мире⁵³.

«ПРЕВРАТИТЬ ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ В ФАКТОР НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ АМЕРИКАНЦАМ»

Поворот на Юг, однако, тормозился из-за ситуации в ближайшем геополитическом окружении СССР. Реализация политики создания «нейтральных прокладок» не носила однозначно триумфального характера. На Дальнем Востоке это не удалось ни в Корее, ни в Индокитае. На Среднем Востоке Турция и Иран стали членами Багдадского пакта. Лучше обстояло дело на северных и южных европейских флангах, но германская проблема продолжала отравлять отношения между Востоком и Западом. Американская стратегия сдерживания оказалась серьезным препятствием на пути глобализации СССР. Как вспоминал потом Хрущев, на тот момент наша страна была обложена американскими базами в Европе, Азии и Африке, и враждебными «пактами» – НАТО, Багдадским пактом, СЕАТО. «Мы находились в осаде, если говорить грубо». Если добавить сюда двухсторонние договоры США с Японией, Южной Кореей, Тайванем – получалось, что весь соцлагерь был окружен созданными при ведущей роли США военными блоками, конфликт с которыми был чреват ядерной войной [Хрущев, 1999, т. II, с. 430; т. III, с. 451].

Уже с 1957 г. Хрущев и Мао начинают думать «как превратить холодную войну в фактор неблагоприятный для американцев»⁵⁴. Цель «разложить» или «расшатать» враждебные пакты, не доводя дело до атомной войны, была положена в основу советско-китайской коалиционной стратегии. Об этом договорились советский и китайский лидеры в ходе

⁵¹ Стенограмма Июньского (1957 г.) Пленума ЦК. *РГАНИ*, ф. 2, оп. 1, д. 161, л. 223–224.

⁵² «Вклиниться» в Средиземное море пытались уже Сталин и Молотов в ходе переговоров с союзниками с вопросом послевоенного устройства мира. См. например директивы ПБ советской делегации на совещании заместителей министров иностранных дел в Лондоне от 7 января 1946 г., которыми предписывалось добиваться советской опеки над Триполитанией (часть современной Ливии), а также базы на одном из Додеканезских островов (например, на Родосе) [*РГАСПИ*, ф. 3, оп. 65, д. 284, л. 29]. Хрущев, любивший в шутовском тоне поговорить о Проливах, на которые «мы не претендуем» и о том, что «нам трудно отвечать за Петра I и его планы в отношении теплых вод Персидского залива», хорошо понимал, что здесь он является продолжателем традиций царской и сталинской дипломатий (см., напр.: [Запись беседы Хрущева с Ансари, 2 сентября. 1959 г. *АВП РФ*, ф. 094, оп. 83, п. 431, д. 1, л. 29].

⁵³ Постановление ЦК КПСС «Об итогах Совещания коммунистических и рабочих партий» <12 декабря 1960 г.>. *Президиум ЦК КПСС*, 2015, т. III, с. 137.

⁵⁴ Высказывания китайских руководящих деятелей «О возможности войны. О путях укрепления мира». *АВП РФ*, ф. 0100, оп. 53, д. 24, п. 457, л. 250. Обсуждение началось в ноябре 1957 г. во время визита Мао Цзэдуна в Москву для участия в торжествах по случаю 40-летия Октябрьской революции и в Международном совещании коммунистических и рабочих партий.

переговоров в Пекине 31 июля – 3 августа 1958 г.⁵⁵. И Хрущев, и Мао исходили из того, что «капиталистический мир к войне не готов», и отмечали непрочность Багдадского пакта, зажатого между Египтом, Сирией, Ираком, странами Северной Африки, борющимися против колониализма и соцлагерем. «Соотношение сил на арабском Востоке не в пользу Эйзенхауэра», – говорил Хрущев Мао. «То, что американцы не стали воевать с Ираком и признали его, означает, что доктрины Эйзенхауэра больше нет. Теперь арабы поняли, что можно безбоязненно идти по иракскому пути». Так же и на Востоке «СЕАТО со всех сторон окружают Индия, Бирма, Индонезия и КНР». Как подчеркивал Мао, у Багдадского пакта и СЕАТО «с обеих сторон враги и сильные враги». Как неустойчивое оценивали советский и китайский лидеры и положение внутри НАТО⁵⁶. «Непрочными звеньями НАТО являются Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия. Греция, конфликтующая с турками и англичанами из-за Кипра, входит в НАТО лишь формально. В Турции сильны антиамериканские настроения. «Франция сейчас самое слабое место в НАТО», – объяснил советский лидер «великому кормчему» [РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 498, л. 112–114].

В ответ на замечание Мао о том, что Латинская Америка – слабое звено империалистического лагеря, Хрущев отметил, что «туда надо направить наши усилия, чтобы отвести внимание империалистов от Европы и Азии и завязать узел. Там много горячего материала» [РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 498, л. 131]. «Если мы и дальше умело поведем свою политику, то разложим эти пакты», – резюмировал Хрущев [РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 498, л. 114]. А дальше нужно активизировать политику в Средиземноморье – создать базу в Албании, разместив там самолеты и подводные лодки. Вообще, взаимосвязь «расшатывания» системы сдерживания по периметру границ соцлагеря и возможность выхода в Мировой океан сильно занимала в тот период Хрущева. Отсюда и предложение о создании Объединенного флота с КНР с возможностью базирования советских подводных лодок в портах Китая: «у Китая обширное морское побережье, открытое море, откуда легко вести подводную войну с Америкой»⁵⁷.

«Расшатать» противостоящие социалистическому лагерю военно-политические блоки Хрущев планировал за счет «особого способа осуществления внешней политики путем угрозы войны империалистам»⁵⁸. Фактически речь шла о серии последовательных взаимоувязанных региональных военно-политических кризисов, которые с 1958 г. приобрели характер скоординированного геополитического наступления. Модель «особого способа осуществления внешней политики» была первоначально обкатана в ходе Суэцкого (1956) и Сирийского кризисов (1957), но окончательно оформилась в ходе ближневосточного кризиса летом 1958 г.

Ситуация в регионе выглядела следующим образом. Главный союзник СССР на Ближнем Востоке – Египет был на подъеме, последовательно усиливая свое влияние в арабских странах. Вырисовывались контуры нового панарабского интеграционного объединения, в котором «на федеральных началах» объединялись Египет, Сирия, Йемен. Не исключалось, что к ним присоединится Ирак (после произошедшего там антизападного переворота). Позиции Великобритании, традиционно доминировавшей в регионе, были серьезно подорваны (хотя она и пыталась закрепиться в княжествах Аравийского полуострова).

США, сделавшим ставку на Саудовскую Аравию, не удалось сколотить альтернативную региональную группировку. Попытки ЦРУ тиражировать свой успех в Иране (свержение

⁵⁵ Как вспоминал М.С. Капица, переговоры носили «неформальный характер»: «Переговорщики лежали в трусах у бассейна и говорили» [Капица, 1999, с. 61].

⁵⁶ Третья беседа Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном, 2 августа 1958 г. РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 498, л. 110–111.

⁵⁷ Первая беседа..., 31 июля 1958 г. РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 498, л. 52.

⁵⁸ Доклад Президиума ЦК на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС <не позднее 13 октября 1964 г.>. *Никита Хрущев. 1964, 2007*, с. 198.

правительства Мосаддыка в 1954 г.) трижды потерпели крах в Сирии: в 1956 г. и дважды в 1957 г., когда переворот предполагалось увязать с военной операцией турок на сирийской границе. На фоне серии заговоров, переворотов и контрпереворотов в регионе, саудовская королевская семья 24 марта 1958 г. де-факто лишает короля Сауда власти, передав ее наследному принцу Фейсалу, опасаясь, в противном случае свержения монархии [Riedel, 2018, p. 18]. В этих условиях в июле американцы высаживаются в Ливане, а англичане перебрасывают парашютистов в Иорданию, чтобы, по выражению госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса, создать таким образом «дамбы» против наводнения, вызванного подъемом арабского национализма [Memorandum..., p. 98].

Получив в разгар ближневосточного кризиса данные о том, что высадка американских и английских войск в Ливане и Иордании является подготовительным этапом для нанесения военного удара по ОАР и Ираку, и что Турция, при поддержке других стран Багдадского пакта, возьмет на себя инициативу в развязывании военной агрессии, СССР проводит масштабные военные маневры. Их цель – удержать Турцию и Иран от выступления против Ирака и Сирийского района ОАР⁵⁹. В ходе оперативного учения «Горный Орел» отрабатывались задачи в соответствии с действующими планами применения Вооруженных сил СССР и его союзников по Варшавскому договору, предполагавшими с первого дня войны нанесение атомных ударов по столицам, аэродромам и военным базам на всю глубину территории противника. Наряду с мероприятиями стратегического сдерживания КГБ и ГРУ готовили серию специальных операций, направленных на дестабилизацию союзников США, в том числе с активным задействованием «курдского фактора», крайне болезненного для Турции и Ирана [Серов, 2017, с. 545]. Советские послы в Анкаре и Тегеране в беседах с руководством этих стран говорили о неминемости большой войны в случае вторжения турок в Ирак⁶⁰.

Военно-политическое давление СССР оказало желаемое воздействие на его соседей. В беседе с американским послом 20 июля шах Ирана (ссылаясь в том числе и на мнение другого американского союзника – президента Пакистана) жестко высказался против турецкого вторжения в Ирак, не говоря уже о Сирии⁶¹. А уже в начале 1959 г. между Москвой и Тегераном начался активный переговорный процесс, целью которого для Кремля была нейтрализация Ирана. Параллельно, хотя и менее успешно, Президиум ЦК пытался втянуть в переговорный процесс и турок, особенно после военного переворота в Анкаре в мае 1960 г.

Рассчитывая, что «американцы завязли в водовороте событий на Среднем Востоке», Пекин начинает в сентябре 1958 г. 2-й Тайваньский кризис – «артиллерийскую блокаду» прибрежных островов Мацзу и Цзиньпин, контролировавшихся гоминьдановцами. Артиллерийские дуэли между НОАК и гоминьдановцами на Фуцзяньском фронте сменялись воздушными боями (ВВС НОАК совершали до 30 самолетовылетов в сутки)⁶². Ретроспективно оценивая «горячую» фазу кризиса в беседе с советским временным поверенным в делах, Мао Цзэдун объяснял, что китайцы как бы торговались с американцами: «что вас, американцев, больше устраивает – постоянное напряжение в районе Тайваня или спокойная обстановка в обмен на обязательство через какое-то время (5–10 или 15 лет) по-

⁵⁹ Проект указаний послу СССР в ОАР для беседы с Насером, 8 августа 1958 г. *РГАНИ*, ф. 3, оп. 12, д. 417, л. 164. Правительственная телеграмма послам СССР в Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польше, ГДР, Чехословакии, Монголии, КНДР и ДРВ, 8 августа 1958 г. [*Ближневосточный конфликт*. 2003, Т. 1. с. 230].

⁶⁰ Telegram from the Embassy in Iran to the Department of State, august 1, 1958. *FRUS*. 1958–60, Vol. XII, p. 583, No. 1.

⁶¹ Telegram from the Embassy in Iran to the Department of State, July 20, 1958. *FRUS*. 1958–60, Vol. XII, p. 578.

⁶² Отчет посольства СССР в КНР за 1958 г., 30 марта 1959 г. *РГАНИ*, ф. 5, оп. 49, д. 134, л. 171.

кинуть Тайвань. Такой метод решения вопроса был предложен американцам на переговорах в Варшаве... Однако американцы оказались слишком твердолобыми, они возлагали свои надежды на применение силы и на создание высокого давления»⁶³.

Действия Пекина полностью поддерживались Москвой. В ходе кризиса СССР был готов направить бомбардировщики ТУ-16 с крылатыми ракетами для действий против кораблей Чан Кайши и предоставить КНР ядерные гарантии безопасности на случай эскалации кризиса (подробнее: [Капица, 1996, с. 62]). Хрущев любил повторять в этот период, что если бы удалось заставить США пойти на уступки в районе Тайваня, то это было бы с 1956 г. пятое открытое поражение империалистов: первое – провал авантюры в Египте, второе – Сирии, третье – Ирак, четвертое – Индонезия и, наконец, Тайвань, не говоря уже о провале замыслов «империалистов» в Польше и Венгрии⁶⁴.

В ноябре 1958 г. начинается 2-й Берлинский кризис, наиболее масштабный и продолжительный из всех региональных военно-политических кризисов этого периода (затянулся до 1963 г.)⁶⁵. Угроза воспрепятствования доступу западных держав в Западный Берлин рассматривалась Хрущевым как эффективный способ демонстрации «бумажного» характера военно-политических гарантий НАТО. При этом Президиум ЦК исходил из того, что урегулирование германской проблемы на предложенных СССР условиях приведет сначала к нейтрализации ФРГ, а спустя некоторое время – к новому пакту о ненападении в отношениях между Западной Германией и Советским Союзом. А затем и к попытке Бонна «улучшить свое положение за счет своих западных соседей».

В реальности этого сценария Хрущев был абсолютно убежден, о чем он неоднократно говорил различным собеседникам. Например, де Голлю на переговорах в Париже 24 марта 1960 г. Говоря об отношениях между Советским Союзом, Западной Германией и Францией, Хрущев заметил: «Вырисовывается в настоящий момент такой же примерно узел, который существовал перед Второй мировой войной... Мы искренне хотели договориться о том, чтобы остановить Германию... Но, как Вы знаете, переговоры окончились бесплодно, Гитлер воспользовался этим и заключил с Советским Союзом договор о ненападении... Не исключаю возможность, что Аденауэр или кто-либо другой, кто сменит его, пойдет на улучшение отношений с СССР... Я думаю, что Германия в настоящее время лишена реальной возможности для экспансии на восток. Но Западная Германия не успокоилась, и она не успокоится и не удовлетворится тем положением, которое она занимает» [Запись беседы Н.С. Хрущева с Ш. де Голлем..., 1996, с. 33–34].

И ближневосточный, и тайваньский кризисы 1958 г. носили кратковременный характер с быстрым переходом в переговорную фазу. Именно так первоначально развивался и 2-й Берлинский кризис. Уже в мае 1959 г. в Женеве открылось совещание министров иностранных дел четырех держав – СССР, США, Англии и Франции. И к июлю, по оценке А.А. Громыко, уже вырисовывалась основа практической договоренности по Западному Берлину [Фалин, 2016, с. 84–85]. Воевать за Западный Берлин американцы и их союзники готовы не были. Как отмечает Ф. Рудер, их устроило бы промежуточное соглашение по Берлину, которое бы сняло угрозу советского ультиматума. Поэтому американцы пытались «прельстить» Хрущева, предложив ему «престижный» саммит с американским президентом. Такое предложение было передано 13 июля 1959 г. через Ф. Козлова, 2-го секретаря ЦК, находившегося с визитом в США [Rueder, 2011, p. 53].

⁶³ Из дневника С.Ф. Антонова. Запись беседы с Мао Цзэдуном, 21 октября 1959 г. *АВП РФ*, ф. 0100, оп. 53, д. 11, п. 443, л. 227.

⁶⁴ Устные воспоминания М.С. Капицы.

⁶⁵ По свидетельству Гриневского замысел 2-го Берлинского кризиса принадлежал В.С. Семенову [Гриневский, 2005, с. 140].

Вариант поэтапных договоренностей в принципе устраивал и Хрущева⁶⁶, и именно в этом ключе он вел переговоры в Кэмп-Дэвиде в ходе своего визита в США в сентябре. В результате у Хрущева сложилось впечатление, что они с Эйзенхауэром в основном договорились (тем более что детали соглашения были более или менее подготовлены в ходе Женевского СМВД). По воспоминаниям О.А. Гриневского, в советском МИДе вырисовывалась четкая картина «саммита» четырех великих держав, который планировалось провести в Париже весной 1960 г. «Решения по Берлину станут промежуточными, но по своей сути присутствие западных держав в этом городе будет признано временным, и основой договоренности станет их постепенное вытеснение из Западного Берлина» (см.: [Гриневский, 1998, с. 17, 154]). Именно в этом ключе были выдержаны предложения Советского правительства по германскому вопросу, которые были переданы де Голлю как основа для возможных договоренностей в Париже⁶⁷.

Однако вместо триумфа – срыв встречи в верхах в мае 1960 г. Главная причина – противодействие ФРГ и Франции внутри НАТО и неготовность американцев рисковать трансатлантическим единством ради договоренностей с СССР. Аденауэр был готов согласиться с советскими предложениями по Западному Берлину, но только «под прямым военным давлением СССР». Немецкий канцлер считал, что Хрущев блефует, и status-quo может быть сохранен без сдачи позиций. В противном случае, любой компромисс мог бы стоить ему проигрыша на выборах в 1961 г., а приход к власти социал-демократов, как он считал – «сдачу» ФРГ Советам. В свою очередь, де Голль предпочитал блеф переговорам как средство демонстрации франко-германского единства [Rueder, 2011, p. 55–57]. В таких условиях Эйзенхауэр не мог пойти на серьезные «размены» с СССР. В Президиуме ЦК об этом знали: советская разведка подробно информировала Кремль о расстановке сил внутри НАТО. В создавшейся ситуации встреча в верхах была обречена. Нужен был лишь повод – и им стал разведывательный полет американского У-2 над территорией СССР 1 мая 1960 г.

Как докладывал Хрущев на заседании Президиума: «Агрессивное вторжение американских самолетов в воздушное пространство СССР в канун созыва совещания в верхах, предпринятое для оказания давления на Советский Союз, и наглое провозглашение подобных полетов государственной политикой Соединенных Штатов явились сознательной провокацией, рассчитанной на создание таких условий, при которых совещание в верхах не могло дать положительных результатов... Если бы Советское правительство в создавшихся условиях приняло участие в совещании, заведомо обреченном на провал, то оно тем самым стало бы соучастником обмана народов»⁶⁸.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВП РФ – Архив внешней политики РФ [*AVP RF* – Archive of Foreign Policy of the Russian Federation].

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории [*RGASPI* – Russian State Archive of Socio-Political History].

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории [*RGANI* – Russian State Archives of Contemporary History].

⁶⁶ Соображения, высказанные Н.С. Хрущевым, в связи с подготовкой памятки к переговорам с Эйзенхауэром, 10 августа 1959 г. *РГАНИ*, ф. 52, оп. 1, д. 598, л. 51, 53.

⁶⁷ О передаче де Голлю материала с изложением позиции Советского Союза в германском вопросе (К П 280/17 от 7.V.1960). *РГАНИ*, ф. 3, оп. 12, д. 707, л. 280.

⁶⁸ Доклад Хрущева Н.С. о поездке на совещание в верхах. Выписка из протокола № 283 заседания Президиум ЦК КПСС от 26 мая 1960 г. *РГАНИ*, ф. 3, оп. 12, д. 75, л. 16–17.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики [RGAE – Russian State Archive of the Economy]

СНБ – Совет национальной безопасности [The National Security Council (NSC)]

FRUS – Foreign Relations of the United States

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александров-Агентов А.М. *От Коллонтай до Горбачева*. М.: Международные отношения, 1994 [Aleksandrov-Agentov A.M. *From Kollontai to Gorbachev*. Moscow: International Relations Publishing House, 1994 (in Russian)].

Артизов А.Н., Сигаев Ю.В. *В октябре шестьдесят четвертого: смещение Хрущева*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020 [Artizov A., Sigachev U. *October Nineteen Sixty Four: The Removal of Khrushchev*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2020 (in Russian)].

Ближневосточный конфликт. Т. 1–2. Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2003 [The Middle East Conflict. Vols. 1–2. Ed. V.V. Naumkin. Moscow: Mezhdunarodni Fond «Demokratia»: Materik, 2003 (in Russian)].

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. I. М.: МДФ, 2014 [High Level Meetings and Talks between Leaders of USSR and Yugoslavia, 1946–1980. Moscow: MDF, 2014 (in Russian)].

Гончаров С.Н. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном. *Проблемы Дальнего Востока*. 1991. № 6. С. 83–93 [Goncharov S.N. *Far Eastern Studies*. 1991. No. 6. Pp. 83–93 (in Russian)].

Гриневский О.А. *Тысяча и один день Никиты Сергеевича*. М.: Вагриус, 1998 [Grinevsky O.A. *A Thousand and One Day of Nikita Sergeevitch*. Moscow: Vagrius, 1998 (in Russian)].

Гриневский О.А. Берлинский ультиматум Хрущева. *Современная Европа*. 2005. № 4. С. 130–149 [Grinevsky O.A. *Khrushchev's Berlin Ultimatum*. Contemporary Europe. 2005. No. 4. Pp. 130–149 (in Russian)].

Доклад Президиума ЦК на октябрьском Пленуме ЦК КПСС (вариант). <Не позднее 13 октября 1964 г.>. *Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы*. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2007. С. 182–216 [The Report of The CK Presidium to The October Plenum of The CPSU CK (variant). <Not after October 13, 1964>. *Nikita Khrushchev. 1964. Transcripts of CPSU CK Plenums and other Documents*. Moscow: Mezhdunarodni Fond «Demokratia»: Materik, 2007. Pp. 182–216 (in Russian)].

Запись беседы Н.С. Хрущева с Ш. де Голлем, 24 марта 1960 г. *Исторический архив*. 1996. № 1. С. 27–39, № 2. С. 105–132 [Memorandum of the meeting between N.S. Khrushchev and de Gaulle, March 24, 1960. *Historical Archives*. 1996. No. 1. Pp. 27–39, No. 2. Pp. 105–132 (in Russian)].

Капица М.С. *На разных параллелях. Записки дипломата*. М.: Кн. и бизнес, 1996 [Kapitsa M.S. *On Different Parallels. Notes of a Diplomat*. Moscow: Kniga i biznes, 1996 (in Russian)].

Кокошин А. *Война и политика*. М.: Международные отношения, 1995 [Kokoshin A. *War and Politics*. Moscow: International Relations Publishing House, 1995 (in Russian)].

Косырев Д.Е. *Советский Кеннеди. Загадка по имени Дмитрий Шепилов*. М.: Бослен, 2017 [Kosyrev D.E. *Soviet Kennedy. Enigma by the Name of Dmitry Shepilov*. Moscow: Boslen, 2017 (in Russian)].

Очерки истории МИД России. 1802–2002. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1–3 [History Essays of MFA of Russia. 1802–2002. Moscow: Olma Press, 2002. Vol. 1–3 (in Russian)].

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. 1945–1965 гг. М.: Международные отношения, 2003 [History Essays of Russian Foreign Intelligence Service. Vol. 5. 1945–1965. Moscow: International Relations Publishing House, 2003 (in Russian)].

Монаков М.С. *Главком. Жизнь и деятельность адмирала С.Г. Горшкова*. М.: Кучково поле, 2008 [Monakov M.S. *CINC. The Life and Work of Admiral S.G. Gorshkov*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2008 (in Russian)].

Пихоя Р.Г. *Москва. Кремль. Власть*. М.: Новый хронограф, 2009. Т. 1. 1945–1964 [Pihoya R.G. *Moscow. Kremlin. Power. 1945–1964*. Moscow: Novi Hronograf, 2009. Vol. 1 (in Russian)].

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. В 3 тт. М.: РОССПЭН, 2015 [*CPSU CK Presidium. 1954–1964. Vol. 1–3. Moscow: ROSSPEN, 2015 (in Russian)*].

Сахаров А.Д. *Воспоминания: в 2-х тт.* М.: Права человека, 1996 [Saharov A.D. *Memoirs: 2 vol. Moscow: Prava Cheloveka, 1996 (in Russian)*].

Серов И.А. *Записки из чемодана. Тайные дневники председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти.* М.: Олма Медиа Групп, 2017 [Serov I.A. *Notes from a Suitcase. Secret Diaries of KGB Chairman Found 25 Years after His Death. Moscow: Olma Media Grupp, 2017 (in Russian)*].

Симонов Н.С. *ВПК СССР.* М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015 [Simonov N.S. *Military-Industrial Complex of the USSR. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2015 (in Russian)*].

СССР и германский вопрос. 1941–1949. Т. 2. М.: Международные отношения, 2003 [*The USSR and the German Question. 1941–1949. Vol. 2. Moscow: International Relations Publishing House, 2003 (in Russian)*].

Стенографический отчет Июньского (1957 г.) Пленума ЦК. *Исторический архив.* 1994. № 2. С. 4–88 [Transcript of CPSU CK June 1957 Plenum. *Historical Archives.* 1994. No. 2. Pp. 4–88 (in Russian)].

Фалин В.М. *Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания.* М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016 [Falín V.M. *No Allowances for the Circumstances. Political Memoirs. Moscow: "Izdatelstvo Centralpoligraf", 2016 (in Russian)*].

Фурсенко А., Нафтали Т. *«Холодная война» Хрущева.* М.: РОССПЭН, 2018 [Fursenko A., Naftali T. *Khrushchev's "Cold War": the Inside Story of an American Adversary. Moscow: ROSSPEN, 2018 (Russian translation)*].

Хрущев Н.С. *Воспоминания.* М.: Информационно-издательская компания «Московские Новости», 1999 [Khrushchev N.S. *Memoirs. Moscow: "Moskovskie Novosti", 1999 (in Russian)*].

Carter D.A. *Forging the Shield: The U.S. Army in Europe, 1951–1962.* Washington, D.C.: Centre of Military History, United States Army, 2015.

Friedman J. Soviet Policy in the Developing World and the Chinese Challenge in the 1960s. *Cold War History.* 2010. Vol. 10. Issue 2. Pp. 247–272.

Hitchcock W.I. *The Age of Eisenhower. America and the World in the 1950-s.* New York: Simon & Schuster, 2018.

Jandolo A. Imbalance of Power. The Soviet Union and The Congo Crisis, 1960–1961. *Journal of Cold War Studies.* 2014. Vol. 16. Issue 2. Pp. 32–55.

Leffler M.P. A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford: Stanford University Press, 1992.

Luňák P. War Plans from Stalin to Brezhnev: the Czechoslovak pivot. *War Plans and Alliances in the Cold War. Threat Perceptions in the East and West.* Eds.: V. Mastny, S.G. Holtzmark, A. Wenger. London: Routledge, 2006. Pp. 72–94.

Memorandum of Conference with President Eisenhower, July 23, 1958. Foreign Relations of the United States. 1958–60. Washington: United States Government Printing Office, 1993. Vol. XII. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v12/d30> (accessed: 24.03.2022).

Riedel B. Ricochet: When a Covert Operation Goes Bad. *Studies in Intelligence.* 2018. Vol. 62. No. 4. Pp. 15–20.

Rueder F. Kennedy, Adenauer and the Making of the Berlin Wall. 1958–1961. (Phd diss., Stanford Univ.), May 2011.

Trachtenberg M. *History and Strategy.* Princeton University Press, 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

СКОРОСПЕЛОВ Петр Петрович –
директор Российского государственного
архива социально-политической истории
(РГАСПИ), Москва, Россия.

Petr P. SKOROSPELOV, Director of the
Russian State Archive of Socio-Political History
(RGASPI), Moscow, Russia.